

Этносоциальные аспекты конфликта в северном Мали

© Пономарев И.В.^а, 2024

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru

Резюме. В статье предпринимается попытка классификации оппозиционных и проправительственных вооруженных группировок северного Мали с выделением их ключевого этнокомпонента. Этот фактор дополняется двумя другими: нелегальным бизнесом и движением джихадизма.

Комплексный и ситуационный анализ связей между этими тремя факторами позволяет показать на конкретных примерах, что на формирование, альянсы и экономическую конкуренцию вооруженных группировок существенно влияет традиционный социальный статус, который сохраняет большое значение в обществе туарегов и сахарских арабов. В ситуации расового противостояния группировки сонгаев и фульбе играют второстепенную роль.

Коррупция, наркотрафик и клановая логика идут вразрез с западнцентричными аналитическими дихотомиями: правительство – повстанцы, армия – сепаратисты, джихадисты – националисты. Недавнее обострение конфликта на севере Мали, приведшее к неожиданному объединению оппозиционных и некогда проправительственных вооруженных группировок, ставит под вопрос политику ослабления оппозиционной коалиции путем манипулирования этническим фактором.

Ключевые слова: Мали, вооруженные группировки, кланы, социальный статус, нелегальный бизнес, джихадизм

Для цитирования: Пономарев И.В. Этносоциальные аспекты конфликта в северном Мали. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 56–65. DOI: 10.31857/S032150750030862-0

Ethno-Social Aspects of Conflict in Northern Mali

© Iliia V. Ponomarev^a, 2024

^a Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru

Abstract. The article offers an attempt to classify opposition and pro-government armed groups in northern Mali with a stress on their ethno-component. This factor is considered combined with two others – illegal business and jihadism.

Such three factor analysis in a complex and situational milieu gives way to show that the formation of armed groups, their strategic alliances and competition are dependent on traditional status among the different ethno-fractions of the Tuaregs and Saharan Arabs. In the situation of racial stand-off the armed groups of the Songhai and Fulani play a minor role.

Corruption, drug trafficking and clan ties come across such Eurocentric analytical stereotypes as government – insurgents, army – separatists, jihadists – nationalists. Recent escalation of conflict in northern Mali that pushed unexpectedly to unite opposition and former pro-government armed groups, calls into question the policy aimed to weaken the armed opposition by manipulations with ethnic factor.

Keywords: Mali, armed groups, clans, social status, illegal business, jihadism

For citation: Ponomarev I.V. Ethno-Social Aspects of Conflict in Northern Mali. *Asia and Africa today*. 2024. № 5. Pp. 56–65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030862-0

ВВЕДЕНИЕ

В конце 2023 – начале 2024 г. конфликт в северном Мали достиг новой фазы обострения: возобновились боевые действия между малийской армией и вооруженными группировками, участвовавшими в процессе мирного урегулирования. Хотя основные группировки туарегов и сахарских арабов¹ (см. также *табл. 2*), ранее неоднократно вступавшие в вооруженное противостояние, пошли на объединение, им пришлось оставить ключевые для них города Севера.

На фоне роста влияния джихадистского движения в Центральном Сахеле, ситуация осложняется клановыми разногласиями и вовлеченностью вооруженных группировок в нелегальный бизнес. В отдельных исследованиях эти три фактора редко анализируются суммарно, однако именно их скрытые связи лежат в основе затяжного конфликта в северном Мали. Статья продолжает комплексный анализ указанных факторов, начатый в предыдущих публикациях [1; 2].

Толчок образованию вооруженных группировок в северном Мали дал кризис 2011–2012 гг. В следующие три года большинство из них подписали соглашения о перемирии, при этом раздробившись по этническому принципу на несколько новых организаций. Однако до сих пор исследований, посвященных группировкам-подписантам, очень мало, и обычно они затрагивают только отдельные организации [3; 4; 5].

Даже в тех работах, которые предпринимают попытку классификации основных участников конфликта в Мали, недостаточно раскрывается их этнический компонент [6; 7; 8]. С другой стороны, как указывает историк Шарль Гремон (Франция), анализ малийского конфликта только по этническим линиям (как исключительно межобщинного) может быть недостаточен для рассмотрения поставленной проблематики [9], что оправдывает многофакторный подход.

Выбор терминов для анализа тоже представляет определенную трудность.

Один из ведущих специалистов по обществу туарегов проф. Баз Лекок (Германия) отмечает, что понятие туарегов «*tewsit*» обычно переводят как «племя», «клан», «фракция» [10, pp. XII, 121]. Термин «фракция» в основном используется потому, что два других содержат отсылки к ранней эволюционной теории (особенно к Дж.Ф.Мак-Леннану и Л.-Г.Моргану), ныне отвергаемой в западной социальной антропологии и публичном дискурсе.

Однако термин туарегов «*ettebel*» традиционно переводят как «клановая конфедерация», а понятие клана у туарегов самым тесным образом связано с понятием касты [10, pp. 121, 223, 268]. Например, туарегов *кель-эс-сук* можно рассматривать и как касту с высоким социальным статусом (марабутов), и как клановую группу.

Еще более ярким примером клана-касты в Мали выступают арабы *кунта* – также знатоки ислама с высоким статусом. Сахарские арабы *берабиши* и *ламхар*, напротив, более многочисленны и включают по несколько кланов и каст, имеющих различный статус как внутри своей семейной группы, так и по отношению друг к другу [11; 12].

ФОРМИРОВАНИЕ ДВУХ ОСНОВНЫХ КОАЛИЦИЙ

Начало кризису в северном Мали положило «Национальное движение за освобождение Азавада» (*Mouvement national de libération de l'Azawad – MNLA*), выступавшее за создание т.н. независимого государства туарегов Азавад². В январе 2012 г. оно подняло восстание, нанеся оглушительное поражение малийской армии [9, pp. 43–46]. В *MNLA* объединились туареги самых разных этногрупп (*кель-ин-*

¹ Обе эти этногруппы составляют по 5% населения страны, однако в северном Мали они играют ключевую роль. См.: The Population of Northern Mali. SWAC. 2015, № 11. www.oecd.org/swac (accessed 10.03.2024); ср. Recensement Général de la Population et de l'Habitat. Bamako: INSTAT, 2011 (*прим. авт.*).

² «Азавад» соответствует северному Мали, объединяющему области Тимбукту, Гао, Кидаль, Менака и Таудени (*прим. авт.*).

тессар, шаманамас, дауссахак, ифорас), однако ведущие позиции сразу же заняли иднан [6, p. 663; 13, p. 131; 14, p. 22].

Влиятельный политик и туарег-ифорас Ийад аг Гали попытался подчинить *MNLA* своему влиянию, но был вынужден отступить и создать свою собственную группировку «*Ансар ад-Дин*». Расхождение произошло по трем основным причинам: кланово-кастовых разногласий, конкуренции за ресурсы, противостояния секулярного сепаратизма и воинствующего исламизма. Весной–летом 2012 г. «*Ансар ад-Дин*» и другие джихадистские группировки силой вытесни *MNLA* из основных городов северного Мали, после чего большинство ифорас перешли на их сторону [13, pp. 131–139].

В 2012 г., в ситуации всеобщего хаоса на Севере, сформировались еще два широких этнических альянса: «Арабское движение Азавада» (*Mouvement arabe de l'Azawad – MAA*) и «Патриотический фронт сопротивления» (*Front patriotique de résistance – FPR*). Организаторами *MAA* выступили арабы *берабиши*, к которым затем примкнули другие сахарские арабы. Ядро *FPR* составили две этномилиции – «*Ganda Kou*» (сонгаи) и «*Ganda Izo*» (фульбе)³, формировавшиеся отставными офицерами и солдатами малийской армии для защиты своих общин во время предыдущих восстаний туарегов [6, p. 672; 3, pp. 280–288; 10, pp. 249–338].

В последующие два года все указанные этнические альянсы поэтапно распались.

После французской интервенции в начале 2013 г. от «*Ансар ад-Дин*» сразу же откололось «Исламское движение Азавада» (*Mouvement Islamique de l'Azawad – MIA*) под руководством Альрабаса аг Инталы. Сын официального главы (аменокалья) конфедерации ифорас Инталы аг Аттахера, Альрабас смог увлечь за собой до 80% комбатантов «*Ансар ад-Дин*». Вскоре *MIA* было переименовано в «Высший совет за единство Азавада» (*Haut Conseil pour l'unité de l'Azawad – HCUA*), что облегчило его контакты с французскими войсками и последующую интеграцию в процесс подписания мирного договора [13, pp. 139–142].

В марте 2014 г. от *MNLA* отделилась «Коалиция народа Азавада» (*Coalition du peuple de l'Azawad – CPA*), но конфликт между её лидерами привел к тому, что две её фракции заняли разную политическую позицию: оппозиционную и проправительственную. Первая осталась в союзе с *MNLA*, а вторую возглавил Мохамед-Усман аг Мохамедун (отсюда *CPA-Ousmane*), опиравшийся на поддержку своей этногруппы – туарегов *кель-раззаф* [15, pp. 24–25; 6, p. 664]⁴.

В мае 2014 г. произошло событие, которое летом того же года ускорило процесс распада альянсов. Малийская армия под руководством генерала Эль-Хадж аг Гаму попыталась вернуть контроль над «столицей сепаратистов» г. Кидалем, но была отброшена силами *HCUA* и *MNLA* [6, p. 667; 4, p. 13].

Тогда при поддержке правительства Мали генерал аг Гаму создал «Группу самозащиты туарегов *имрад* и их союзников» (*Groupe d'autodéfense Touareg Imghad et alliés – GATIA*). Её ядро составили офицеры и солдаты *имрад*⁵ из 8-й объединенной тактической группы (*Groupement tactique inter-armes – GTIA*), прошедшие подготовку под руководством европейских инструкторов. *GATIA* несколько раз пыталась отбить г. Кидаль у *HCUA* и *MNLA*, но безуспешно [16, p. 21; 15, p. 27]⁶.

FPR был переименован в «Координацию движений и патриотических фронтов сопротивления» (*Coordination des mouvements et fronts patriotiques de résistance – CM-FPR*), но вскоре и она разделилась на две фракции: проправительственную и оппозиционную. Во главе *CM-FPR-I* остались Харуна Туре и Джибрила Мусса Диало, а *CM-FPR-II* возглавили Сейду Сиссе и Юнусса Туре. Хотя обе группировки сохранили смешанный этнический характер, в первой стали преобладать сонгаи, а во второй – фульбе [16, pp. 13, 57; 7, p. 199]⁷.

³ На яз. сонгаи соотв.: «Хозяева земли» и «Сыны земли» (прим. авт.).

⁴ Final report of the Panel of Experts established pursuant to Security Council resolution 2374 (2017) on Mali and renewed pursuant to resolution 2484 (2019). 13 August 2020. S/2020/785. New York: UNSC. Pp. 22–23.

⁵ Транскрипция «имрад» (*Imghad*) и «ифорас» (*Ifoghas*) является наиболее широко принятой в социальной антропологии, см., напр. [10, p. XIII].

⁶ Final report... P. 21.

⁷ Ibidem. Pp. 19–20, 23.

В этом контексте раскололось и МАА. Сахарские арабы *ламхар* под руководством Ахмеда улд Сиди Мохамеда сформировали группировку *МАА-Tabankort*, сыгравшую роль «станового хребта проправительственной коалиции» совместно с *GATIA*, *CPA-Ousmane* и *CM-FPR-I* [6, pp. 655, 667; 7, p. 199]. Наоборот, *МАА-СМА* под руководством Сиди Ибрагима улд Сидатти и полковника Хусейна улд Аль-Моктара завершила складывание оппозиционной коалиции – *MNLA*, *HCUA*, *CPA* и *CM-FPR-II* [15, pp. 6, 23–24].

Окончательное оформление эти две коалиции получили в 2014 г. на переговорах в Алжире: «Платформа движений 14 июня 2014, Алжир» (*Plateforme des mouvements du 14 juin 2014 d'Alger*) и «Координация движений Азавада» (*Coordination des mouvements de l'Azawad – CMA*).

На лето следующего, 2015 г., было намечено подписание ключевого соглашения между Бамако и этими коалициями. И опять правительство президента И.Б.Кейты⁸ (2013–2020) пошло на крайние меры: в мае комбатанты «Платформы» при прямой поддержке армии захватили г. Менака, нарушив договоренность о прекращении огня [15, p. 6]⁹. В этой напряженной атмосфере и было подписано алжирское Соглашение, во многом «навязанное сторонам-подписантам международным посредничеством» [9, p. 46].

За рамками Соглашения оказались три небольших группировки со смешанным этническим составом: «Народный фронт Азавада» (*Front populaire de l'Azawad – FPA*), «Народное движение за спасение Азавада» (*Mouvement populaire pour le salut de l'Azawad – MPSA*) и еще одна «Координация движений и патриотических фронтов сопротивления» (*Coordination des mouvements et fronts patriotiques de résistance – CM-FPR-III*).

FPA был сформирован еще в 2012 г. Основную роль в нем играли Хасан аг Мехди (полковник Джимми) и другие туареги *шаманамас*, дезертировавшие из малийской армии [7, p. 200]. *MPSA* – это еще одна ветвь *МАА*, которую создали в 2014 г. арабы (рук. Бубакар Сидир улд Талеб) и туареги Тим-букту из кланов с высоким социальным статусом [17]. Обе группировки некоторое время лавировали между коалициями *СМА* и «Платформа» [15, p. 25]¹⁰.

CM-FPR-III откололся в 2015 г. от *CM-FPR-II*. Её руководитель Мохаман Алассан Маига (бывший лидер «*Ganda Kou*») объединил несколько мелких этногруппировок: сонгаев, фульбе и *белла* (чернокожих рабов туарегов, составлявших некогда отдельную касту) [3, pp. 288, 298].

ЗА КУЛИСАМИ ТРЕТЬЕЙ КОАЛИЦИИ

В соответствии с алжирским Соглашением, правительство Мали и международные НПО стали выделять вооруженным группировкам-подписантам финансовую и гуманитарную помощь, что косвенно стимулировало их дальнейшее дробление [15, pp. 13–15]. Однако ключевую роль в этом процессе сыграла малийская Генеральная дирекция государственной безопасности (ГДГБ)¹¹.

Группа экспертов ООН отмечает, что ГДГБ «провоцировала, поощряла и облегчала фрагментацию *СМА*», финансируя «ключевых фигур, которые создали в 2016 г. группировки, отделившиеся от *MNLA*». За этим стояла «неофициальная стратегия, нацеленная на обструкцию Соглашения посредством затягивания его имплементации», которую осуществлял генерал Мусса Диавара – глава ГДГБ¹².

С подачи ГДГБ были созданы группировки, которые сразу же стали претендовать на независимую долю правительственных дотаций, но вскоре и они претерпели раскол.

В сентябре 2016 г. от *MNLA* отделилось «Движение за спасение Азавада» (*Mouvement pour le salut de l'Azawad – MSA*) под руководством Муссы аг Ашаратумана и Ассалат аг Хаби. Полковник Малийских вооруженных сил аг Хаби увлек за собой туарегов *шаманамас*. По его примеру аг Ашаратуман

⁸ Следуем транскрипции этого имени, принятой в отечественной африканистике (*прим. авт.*).

⁹ Drug trafficking, violence and politics in northern Mali. 2018. *Crisis Group Africa Report*. Brussels: ICG. P. 15.

¹⁰ Final report... Pp. 23–24.

¹¹ Ibidem. P. 18. В целях смысловой демаркации только аббревиатуры группировок-подписантов даются латиницей (*прим. авт.*).

¹² Ibid. P. 22 (также см. [4, p. 12]).

хотел объединить туарегов *дауссахак*, однако некоторые их кланы (*идогиритан*, *агокан*) предпочли сохранить тесные связи с коалицией *СМА*. Разногласия между двумя лидерами *MSA* были столь сильными, что через два месяца полковник Хаби отделился. Две новые группировки стали различаться по этническому признаку: *MSA-Daussahak* и *MSA-Chamanamas* [15, p. 17; 14, p. 23; 6, pp. 669–670].

В октябре 2016 г. от *НСУА* (и от *СМА*) отделился под руководством Азарока аг Инаборшада и полковника Альрабасса аг Мохамеда Ахмеда «Конгресс за справедливость в Азаваде» (*Congrès pour la justice dans l'Azawad – CJA*), который должен был объединить туарегов *кель-интессар*. Однако и в этом случае клановая борьба вскоре привела к тому, что от него откололся *СJA-II*, который возглавил (из Мавритании) Хама аг Махмуд. В 2018 г. *СJA-I*, или по месту локализации *СJA-Gargando*, вернулся в *СМА* [15, pp. 23–24; 16, p. 16; 6, pp. 665, 667].

Политика правительства по созданию «марионеток» (*proxies*) малийской армии вызвала резкую реакцию США и СБ ООН. Тогда правительство И.Б.Кейты сменило тактику: осенью 2017 г. была создана при прямой поддержке ГДГБ очередная коалиция – «Координация движений согласия» (*Coordination des mouvements de l'entente – СМЕ*)¹³. Угрожая применением оружия, новообразованная *СМЕ* сразу же стала требовать свою долю правительственных дотаций, что Бамако и поспешил исполнить [15, pp. 8, 25].

Роль инструмента ГДГБ в создании коалиции *СМЕ* сыграла группировка *CPA-Ousmane* Мохамеда-Усмана, а его партнерами выступили *MSA-Chamanamas*, *MPСА*, *FPA* и *СJA-II* [15, p. 24]¹⁴.

Таким образом, хотя вооруженные группировки включают, как правило, представителей разных этногрупп, прослеживается четкая тенденция политической консолидации по этническому признаку. Ниже (см. табл. 1) в целях обобщения указываются только те этногруппы, которые играют роль ядра конкретной группировки.

Таблица 1. Политические коалиции с ключевым этнокомпонентом

Table 1. Political coalitions with a key ethno-component

Год создания группировки	Координация движений Азавада (<i>СМА</i>)	«Платформа»	Координация движений согласия (<i>СМЕ</i>)
2011	<i>MNLA (иднан)</i>		
2012	<i>МАА (берабиш)</i>		<i>FPA (шаманамас)</i>
	<i>FPR (сонгаи)</i>		
2013	<i>НСУА (ифорас)</i>		
2014	<i>МАА-СМА (берабиш)</i>	<i>МАА-Tabankort (ламхар)</i>	<i>MPСА (кунта, кель-интессар)</i>
	<i>CPA (иднан)</i>	<i>GATIA (имрад)</i>	<i>CPA-Ousmane (кель-раззаф)</i>
	<i>СМ-FPR-II (фульбе)</i>	<i>СМ-FPR-I (сонгаи)</i>	
2015			<i>СМ-FPR-III (сонгаи, белла)</i>
2016	<i>СJA-Gargando (кель-интессар)</i>	<i>MSA-D (дауссахак)</i>	<i>MSA-C (шаманамас)</i>
			<i>СJA-II (кель-интессар)</i>

Составлено по: [15; 16; 19; 20].

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

За сложной мозаикой вооруженных группировок стоит кланово-кастовая организация общества туарегов и сахарских арабов. Её анализ позволяет раскрыть один из важных мотивов распределения группировок по политическим коалициям.

¹³ Ibid. Pp. 21–22.

¹⁴ Ibid. Pp. 22–23.

К полностью свободным, или аристократии, у туарегов Мали традиционно принадлежали крупные конфедерации кланов *ивелемедан*, *ифорас* и *кель-интессар*. Некогда сильные в военном отношении, в настоящее время они не существуют как единые политические объединения, однако каждая из них продолжает избирать своего *амекокаля* – традиционного главу, имеющего ограниченные полномочия. Исторически *иднан*, *шаманамас* и другие клановые объединения выступали полузависимыми вассалами этих конфедераций, так же как *ламхар* и *машдуф* признавали над собой вассалитет *кунта* [10; 11; 16, pp. 12–13].

Кланы *даусахак* ведут свое происхождение от союзов между туарегами и захваченными в плен наложницами негроидного происхождения. Говоря на смеси языков *тамашек* и *сонгай*, они традиционно несут на себе расовую стигму. Хотя ранее эти кланы считались полностью зависимыми, по своему статусу они выше *белла* [15, p. 17; 9, p. 48; 10, pp. 92–99, 282].

У туарегов существует много терминов, которые обозначают социальный статус, но в отдельных случаях могут означать и этногруппу: «*имушар/имажерен*» (благородные), «*иборолитан*» (метисы), «*иравелан*» (освобожденные рабы), «*иклан*» (домашние рабы) и пр. [10, pp. 2–8, 299; 15, p. 22; 18, pp. 161–174, 401]. Таково происхождение кастовой категории *имрад* – ранее она означала «данников» как таковых, но сегодня за ней скрываются самостоятельные кланы различного статуса.

После того как от *MNLA* отделились многие кланы, в его рядах остались в основном *иднан*, возглавляемые теми, кого туареги называют *ишумар*. Этой социальной категорией обозначают тех, кто соблюдает определенный кодекс поведения, табуирующий упоминание своего клана, и, как правило, приверженность националистическим лозунгам [10, pp. 194–214; 18, pp. 49–50].

Сопоставляя данные (см. табл. 1 и 2), можно видеть, что коалиция *СМА* объединила в основном тех, кто имеет в обществе туарегов и сахарских арабов статус «благородных» и образованных, а вокруг «Платформы» сплотились этногруппы с наиболее низким статусом. Коалицию *СМЕ* составили в основном малочисленные этногруппы, отколовшиеся от других группировок. Среди них сонгаи, фульбе и *белла* выбрали в качестве союзников тех, кто меньше всех конкурирует с ними за скудные ресурсы.

В феврале 2020 г. *СМЕ* была официально распущена, однако уже через два месяца фактически воссоздана как «Координация движений инклюзии» (*Coordination des mouvements de l'inclusivité – СМІ*). Этот маневр имел две основные цели: исключить из новой коалиции *СРА-Ousmane*, приобретшую дурную репутацию из-за сотрудничества с ГДГБ, и объединить в *СМЕ* те этногруппы и общественные движения, которые не получили ранее политического представительства [19, p. 7]¹⁵.

Таблица 2. Социальная организация туарегов и сахарских арабов
Table 2. Social organization of the Tuaregs and Saharan Arabs

Этносы	Кланово-кастовый статус		
	Высокий	Средний	Низкий
Туареги	<i>Кель-адрар (ифорас)</i>	<i>Иднан</i>	<i>Имрад</i>
	<i>Кель-интессар (ансар)</i>	<i>Шаманамас</i>	<i>Даусахак</i>
	<i>Ивелемедан</i>	<i>Ишадинхарен</i>	<i>Белла</i>
	<i>Кель-раззаф (ишерифен)</i>		
Сахарские арабы	<i>Кунта</i>	<i>Берабиш</i>	<i>Ламхар</i>
	<i>Тормуз</i>	<i>Улед-шуаиб</i>	<i>Машдуф</i>

Составлено по: [10; 11; 12; 18; 21].

¹⁵ Ibid. Pp. 23–24.

РОЛЬ НЕЛЕГАЛЬНОГО БИЗНЕСА

Существенную роль в конфликте в северном Мали вносит борьба за нелегальный трафик (наркотики, золото, контрабандные товары и сырье) и узловые точки (небольшие населенные пункты) их переброски – Табанкорт, Лернеб, Ин-Халиль, Агелок [19, pp. 22–27]. Анализ взаимодействия ключевых этнокомпонентов вооруженных группировок в этом процессе раскрывает существенную сторону отношений коалиций *СМА* и «Платформа».

Коррупция пронизывает все уровни госсистемы Мали. Например, глава ГДГБ генерал М.Диавара долгое время оказывал протекцию двум «бизнесменам»-*ламхар* – Мохамеду улд Матали и его родственнику Мохамеду бен Ахмеду Махри («Ругги»). Взамен они производили «ежемесячные выплаты» М.Диавару и его заместителю полковнику И.Саного. Сотрудничество закончилось в 2018 г., когда в Ниамее была перехвачена партия в 2,5 т марокканского гашиша стоимостью \$5 млн, а члены «сети Ругги» были арестованы¹⁶.

Арабы *ламхар* (Табанкорт) держат в своих руках важную часть транспортной системы и нелегальной торговли в области Гао. Некогда вассалы *кунта*¹⁷, *ламхар* приобрели в последние 30 лет такой финансовый и политический вес, что стали их основными соперниками [16, p. 22; 20, pp. 29–30; 6, p. 672]. Конкурентами *ламхар* также выступают арабы *машдуф* (Гао) и туареги *иднан* (Ин-Халиль), тяготеющие к коалиции *СМА*. Соответственно, безопасность наркокараванов (гашиш, кокаин, трамадол) *ламхар* обеспечивали *ММА-Tabankort* и *GATIA* генерала Гаму, а наркокараванов *кунта* и *иднан* – *ММА-СМА*, *НСУА* и *MNLA* [15, pp. 32–33; 21, p. 16]¹⁸.

Туареги *ифорас* (*НСУА*) прочно занимают позиции в центральной части области Кидаль, где их основными конкурентами являются их бывшие данники *имрад* (*GATIA*). Это и было основной причиной вооруженных столкновений между *НСУА* и *GATIA* за г. Агелок, контролирующей нелегальный трафик из г. Кидаль в Алжир [16, p. 11]. С этим совпадало желание *ифорас* не допускать *имрад* в органы местного самоуправления, создававшиеся в соответствии с алжирским Соглашением [15, pp. 10–11].

Доминирующую позицию в области Тимбукту занимают кланы *берабиши*, которые порой конкурируют и между собой. Поэтому, например, *улед-идрис* оказались в *ММА-СМА*, а *улед-аши* – в *ММА-Tabankort*. Оба клана, а также арабы *тормуз* (*ММА-СМА*), уже давно ведут кровавую борьбу за г. Лернеб – один из ключевых пунктов по переброске многотонных партий гашиша из Мавритании в Мали [20, p. 22; 16, pp. 18–23; 2, pp. 33–36]¹⁹.

В этом контексте вооруженные столкновения коалиции *СМА* в областях Кидаль и Менака с *GATIA* и *MSA-D* в 2016–2018 гг. объясняются не только политической конкуренцией, но и борьбой за ресурсы. Присутствует в них и клановая логика: *GATIA* несколько раз совершала нападения на туарегов *ишадинхарен* и *иднан* с целью принудить их отказаться от союза с *СМА*, т.к. иногда они тоже выступают конкурентами *ифорас* в экономической сфере [15, pp. 17–19; 14, pp. 24–25; 6, p. 670].

Круг замыкается: социальный статус, логика клановых отношений и интересы в сфере нелегального бизнеса *НСУА*, *ММА-СМА* и *MNLA* противопоставляют их *GATIA*, *MSA-D* и *ММА-Tabankort*. Обе коалиции неоднократно пытались разорвать порочную логику этого замкнутого круга. В 2015 и 2017 гг. они подписали между собой соглашения, имевшие целью «так изолировать столкновения между трафикантами, чтобы они более не втягивали в себя коалиции *СМА* и «Платформа»»²⁰.

Дело дошло до того, что попытки перехватить силой конвой с наркотиками у конкурентов происходили не только между этими коалициями, но даже между отдельными кланами *внутри* них. Ситуация изменилась, только когда полевые командиры обеих коалиций стали принимать *совместное* участие в защите наркокараванов [20, pp. 19, 31]²¹. В 2019 г. намечилось определенное сближение коали-

¹⁶ Drug trafficking... Pp. 10–11, 32–33; Final report... Pp. 18–26.

¹⁷ Подробнее о *кунта* и их роли в развитии нелегального бизнеса см. [12].

¹⁸ Drug trafficking... Pp. 1–20; Final report... Pp. 26–30.

¹⁹ Final report... Pp. 27–29, 60.

²⁰ Drug trafficking... P. 17.

²¹ Ibid. Pp. 14–18.

ций, что не могло не настораживать военных в Бамако, начавших посредством ГДГБ «разжигать разногласия внутри «Платформы»»²².

СПУТАННЫЕ КАРТЫ ДЖИХАДИЗМА

Наиболее трудно проследить клановую логику в случае тех группировок, которые СБ ООН классифицирует как «террористические»: Исламское государство в Большой Сахаре (ИГБС) и Движение защиты ислама и мусульман (ДНИМ)²³.

Одни и те же кланы имеют своих представителей как в них, так и в подписавших алжирское Соглашение группировках. Например, члены клана *идогиритан* туарегов *дауссахак* входят в ИГБС и *НСУА*; клана *имидидарен* туарегов *имрад* – в ДНИМ и *MNLA*; туареги *ишадинхарен* и *ифорас* – в ДНИМ и *НСУА*. Поэтому комбатанты этих и других легализованных группировок неоднократно совершали совместно с ДНИМ или ИГБС нападения на малийские, нигерские и французские войска [15, pp. 16–20, 28; 20, pp. 26–27; 16, pp. 14–15]²⁴.

Так, моджахеды ДНИМ защищают стада туарегов *кель-раззаф*, интересы которых также отстаивает *СРА-Оусмане* Мохамеда-Усмана. Ближайшими конкурентами *кель-раззаф* выступают *кель-интескар*, поэтому их группировка *СJA-Gargando* неоднократно подвергалась нападениям со стороны ДНИМ и *СРА-Оусмане*. Начальник штаба *СРА-Оусмане* полковник Алькадум аг Абдулай дважды участвовал в 2017–2018 гг. в нападениях ДНИМ на малийскую военную базу к северу от г. Тимбукту [16, p. 16; 15, pp. 23–29].

В 2019–2020 гг. произошёл раскол «Платформы»: часть кланов (*идогиритан*, *табахав*) туарегов *дауссахак*, а также некоторые комбатанты *имрад*, временно перешли на сторону коалиции *СМА* [20, pp. 9–10, 25]. Это было вызвано тем, что военные операции *MSA-D* и *GATIA* против ИГБС в области Менака привели к большому количеству жертв среди фульбе-скотоводов, выступающих конкурентами одних кланов *дауссахак* (близких *MSA-D*), но партнерами других, которые и стали искать протекции либо у *СМА*, либо даже у ИГБС [1, p. 51; 9, pp. 51–59; 6, pp. 670–671]²⁵.

В ИГБС много представителей тех этногрупп, которые стараются всеми силами повысить свой социальный статус: туареги *идогиритан*, арабы *улед-шуаиб*, фульбе *толебе* и др. От вступающих в его ряды требуют отречения от клановых уз, что часто должно быть подтверждено убийством ближайшего родственника. Несмотря на это, ИГБС действует, подчиняясь именно клановой логике [9, pp. 50, 59; 21, p. 14; 1, pp. 50–52].

Вывод иностранных контингентов после военного переворота 2021 г. вызвал ожесточенное противостояние за оставляемые ими базы между малийской армией и вооруженными группировками – подписантами Соглашения, что открыло простор для усиления ИГБС. Эти события подтолкнули коалиции *СМА* и «Платформа» пойти на сближение, создав зонтичную «Постоянную стратегическую структуру» (*Cadre stratégique permanent*). В 2022–2023 гг. делались попытки объединить военные штабы обеих коалиций, однако из-за клановых разногласий они не смогли помешать ИГБС захватить несколько населенных пунктов в областях Менака и Гао [21, pp. 10–14; 19, pp. 12, 17, 20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вытеснение малийской армией совместно с иностранными партнерами коалиции *СМА* из гг. Менака и Кидаль в конце 2023 г. в корне изменило ситуацию – фактически алжирское Соглашение между вооруженными группировками и Бамако ушло в прошлое. Что это означает в свете всего сказанного о расстановке сил в северном Мали?

²² Final report... Pp. 22, 28–30.

²³ О лидерах и составе ИГБС и ДНИМ подробнее см. [1].

²⁴ Final report... Pp. 16–20.

²⁵ Frontière Niger-Mali: Mettre l'outil militaire au service d'une approche politique. 2018. *Rapport Afrique de Crisis Group*. № 261. Bruxelles: ICG. Pp. 14–17.

Большинство международных экспертов согласно, что дальнейшее ослабление коалиции СМА, выступающей основным звеном зонтичной «Постоянной стратегической структуры», открывает широкий простор для усиления ИГБС и ДНИМ [19]²⁶. Всё дело в том, что основным сдерживающим фактором джихадистов были совсем не *MSA-D* и *GATIA*, больше заинтересованные в сведениях клановых счетов с конкурентами, а коалиция СМА: ИГБС – военной силой, ДНИМ – путем переговоров. В первом случае решающую роль играли социальный статус и клановая конкуренция (в том числе в борьбе за ресурсы), во втором – родственные клановые связи.

Возможности малийской армии очень ограничены: даже при постоянной поддержке иностранных контингентов она может контролировать только наиболее крупные населенные пункты в северном Мали [19, pp. 19–21]. Если принять во внимание, что в Мали одна из основных проблем противостояния Юга и Севера – это расовая ненависть, обостряющая конфликт с обеих сторон, то решение его исключительно силовым методом едва ли даст положительные результаты.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период второй: 2016–2021. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 47–55. DOI: 10.31857/S032150750018779-8
Ponomarev I.V. 2022. Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The second stage: 2016–2021. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 47–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018779-8
2. Пономарев И.В. Дефиниции с префиксом «нарко-» и реальные проблемы Западной Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 30–38. DOI: 10.31857/S032150750026135-0
Ponomarev I.V. 2023. The definition with a prefix 'narco-', and a real conundrum in West Africa. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 30–38. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026135-0
3. Boisvert M.A. 2015. Failing at violence: the longer-lasting impact of pro-government militias in Northern Mali since 2012. *African Security*. Vol. 8 (4). Pp. 272–298. DOI: 10.1080/19392206.2015.1100505
4. Bencherif A., Campana A. 2016. Alliances of convenience: assessing the dynamics of the Malian insurgency. *Mediterranean Politics*. DOI: 10.1080/13629395.2016.1230942
5. Baldaro E., Raineri L. 2020. Azawad: a parastate between nomads and mujahidins? *Nationalities Papers*. Vol. 48(1). Pp. 100–115. DOI: 10.1017/nps.2019.62
6. Desgrais N., Guichaoua Y., Lebovich A. 2018. Unity is the exception. Alliance formation and de-formation among armed actors in Northern Mali. *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 29 (4). Pp. 654–679. DOI: 10.1080/09592318.2018.1488403
7. Bencherif A. 2018. Le Mali post “Accord d’Alger”: une période intérimaire entre conflits et négociations. *Politique africaine*. Vol. 2 (150). Pp.179–201. DOI: 10.3917/polaf.150.0179
8. Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибэ У. Конфликт в Мали: взаимоотношения основных акторов. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 12. С. 47–56. DOI: 10.31857/S032150750017789-9
Davidchuk A.S., Degterev D.A., Sidibe O. 2021. Malian crisis: interrelationship of major actors. *Asia and Africa today*. № 12. Pp. 47–56. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750017789-9
9. Grémont Ch. 2019. Dans le piège des offres de violence. Concurrences, protections et représailles dans la région de Ménaka (Nord-Mali, 2000–2018). *Hérodote*. Vol. 1 (172). Pp. 43–62. DOI: 10.3917/her.172.0043
10. Lecocq B. 2010. Disputed Desert. Decolonisation, Competing Nationalisms and Tuareg Rebellions in Northern Mali. Leiden: Brill.
11. Norris H.T. 1986. The Arab Conquest of the Western Sahara. Harlow: Longman.
12. Scheele J. 2012. Smugglers and Saints of the Sahara. Regional Connectivity in the Twentieth Century. Cambridge: University Press.
13. Thurston A. 2020. Jihadists of North Africa and the Sahel: Local Politics and Rebel Groups. Cambridge: University Press.
14. Sandor A. 2017. Insecurity, the breakdown of social trust, and armed actor governance in central and northern Mali. Montréal: Centre FrancoPaix.
15. Koning de R. et al. 2018. Letter dated 8 August 2018 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2018/581_Rev. New York: UNSC.

²⁶ Nord du Mali: revenir au dialogue. 2024. *Rapport Afrique de Crisis Group*. № 314. Bruxelles: ICG.

16. Barume A. et al. 2021. Letter dated 6 August 2021 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2021/714. New York: UNSC.
17. Harber F. Boubacar Sidi Ali: “Nous avons créé le MPSA pour nous démarquer d’AQMI”. 31.08.2014. <https://www.aa.com.tr/fr/politique/boubacar-sidi-alinous-avons-créé-le-mps-a-pour-nous-démarquer-d-aqmi/126514> (accessed 10.03.2024)
18. Bencherif A. 2019. Récits des élites touarègues au Mali et au Niger: Questionner la “question touarègue”. Thèse de doctorat. Ottawa: Université d’Ottawa.
19. Sollazzo R. et al. 2023. Letter dated 3 August 2023 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2023/578. New York: UNSC.
20. Koning de R. et al. 2019. Letter dated 6 August 2019 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2019/636. New York: UNSC.
21. Choudhury L.M.R. et al. 2022. Letter dated 3 August 2022 from the Panel of Experts established pursuant to resolution 2374 (2017) on Mali addressed to the President of the Security Council. S/2022/595. New York: UNSC.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пономарев Илья Вячеславович, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Ilya V. Ponomarev, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Civilization and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 15.04.2024